

◆ ХРОНИКИ БОЛЬШОГО ЧЕРДАКА • КНИГА ВТОРАЯ ◆

ФИМКА, ПУФ И ГОРОД ФАРФОРОВЫХ МАСТЕРОВ

СТАНИСЛАВ РУБИНОВ

Хроники Большого Чердака

Станислав Рубинов

**Фимка, Пуф и Город Фарфоровых
Мастеров (Книга Вторая)**

«Автор»

2026

Рубинов С.

Фимка, Пуф и Город Фарфоровых Мастеров (Книга Вторая) /
С. Рубинов — «Автор», 2026 — (Хроники Большого Чердака)

Тихое субботнее утро в дедушкином доме нарушает тревожный перезвон: на старинной фарфоровой чашке с синими ласточками внезапно появляется трещина. Оказывается, за зеркальной витриной старого орехового буфета скрывается целый мир – крошечный Город Блюдец, где из-за таинственного происшествия рухнул главный мост, а хрупким жителям грозит неминуемая беда. Уменьшившись до размеров чайной ложки, девятилетний Фимка и его верный мохнатый спутник Пуф отправляются в опасное путешествие по полкам буфета. Другьям предстоит пройти сквозь лабиринты пряностей, заглянуть в забытые тайники со старинным серебром, разгадать секреты старых часовых механизмов и доказать, что даже в самом хрупком мире смелость, смекалка и доброе сердце способны творить настоящие чудеса.

© Рубинов С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава первая: Тайна синей чашки	5
Глава вторая: Шаг сквозь стеклянную витрину	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Станислав Рубинов

Фимка, Пуф и Город Фарфоровых Мастеров (Книга Вторая)

Глава первая: Тайна синей чашки

Субботнее утро в доме дедушки Афанасия пахло свежеиспеченными ржаными лепешками с тмином и топленым молоком. Осеннее солнце, пробиваясь сквозь желтеющие ветви антоновки за окном, расчерчивало дощатый пол кухни длинными золотыми полосами, в которых лениво кружились пылинки.

После возвращения с Туманного Острова прошла ровно неделя. Жизнь, казалось, вошла в свое самое мирное, неторопливое русло: часы на кухне мерно урчали, напоминая сытого шмеля, за окном трещали сороки, а Фимка сидел у окна и полировал кусочком войлока свою верную медную линейку.

Рядом, свернувшись на мягком лоскутном коврикe возле печки, сладко посапывал Пуф. Мохнатый Смотритель Перекрестков за эти дни превратился в самого завязанного домашнего соню: он категорически отказывался покидать кухню раньше полудня, ссылаясь на то, что «хранительская шерсть требует правильного прогрева русским кирпичом».

Дедушка Афанасий в синем рабочем фартуке возился возле старинного буфета.

Этот буфет, сложенный из темного орехового дерева, занимал почти всю стену между печью и дверью на веранду. Его верхние дверцы были застеклены гранеными стеклами с затейливой гравировкой в виде виноградных лоз. Внутри, на резных дубовых полках, стояли пузатые глиняные кувшины, банки со специями и главная гордость дедушки – старинный сервиз из тончайшего белого фарфора, расписанный кобальтово-синими ласточками.

– Фимка, подай-ка чистую льняную салфетку, – попросил дедушка, бережно протирая стеклянную полочку. – Пора сервиз от осенней пыли обмести. Скоро холода, чай из синих чашек пить будем.

Фимка вскочил, достал из ящика стола накрахмаленную салфетку и подошел к буфету.

– Дедушка, а правда, что этот сервиз не из магазина? – спросил мальчик, разглядывая крошечные фарфоровые блюдца. Рисунок на них был настолько искусным, что казалось, будто ласточки вот-вот вспорхнут с белой глазури прямо под потолок.

– Правда, внучек, – дедушка улыбнулся в седые усы. – Этот сервиз мне давным-давно подарил один старый мастер. Сказал, что пока цела хоть одна чашка, в доме никогда не переводятся хорошие вести.

Дедушка протянул руку к самой верхней полке, где на подставке стояла главная чашка – с тончайшей кружевной ручкой и тремя летящими ласточками на доньшке. Но стоило его пальцам коснуться фарфора, как со стороны полки раздался тонкий, жалобный звон:

«Динь-скриип...»

Звук был похож на стон лопнувшей скрипичной струны.

Прямо на глазах у Фимки по гладкой белой глазури чашки побежала тонкая темная змейка. Она рассекла крыло нарисованной ласточки пополам и замерла у самой кромки.

Дедушка Афанасий замер, и лицо его вмиг посветлело от тревоги.

– Беда... – тихо прошептал мастер, осторожно убирая руку. – Треснула. Сама собой.

Пуф на коврикe у печки мгновенно встрепенулся. Его круглые уши встали торчком, пепельная шерсть на загривке поднялась дыбом, а медный ключ на шее глухо звякнул о печной

угол. Мохнатый комочек кубарем подкатился к ногам бабушки и уткнулся на витрину буфета черными глазами-маслинами.

– Не сама, Афанасий, – сиплым, встревоженным баском произнес Пуф, забыв про маскировку под домашнего лежебоку. – Такие вещи сами не лопаются. Ты же знаешь, что это значит!

Бабушка тяжело опустился на табурет и снял свои очки в проволочной оправе:

– Знаю, Пуф. Мост Парящего Чайника. Если синяя чашка треснула здесь, значит, в Городе Блюдец рухнула Главная Лазурная Арка.

Фимка переводил удивленный взгляд с бабушки на Пуфа:

– Какой еще мост? В каком Городе? В буфете, что ли?!

Пуф вздохнул, упер лапы в круглые бока и сердито посмотрел на мальчика снизу вверх:

– Фимка, вот сколько раз тебе повторять: для тебя это просто деревянный буфет с посудой! А для тех, кто ростом с наперсток – это целый континент костяного фарфора и резного стекла! За зеркальной стенкой буфета раскинулся Город Фарфоровых Мастеров. Там текут реки из живой глазури, дома сложены из расписных блюдец, а мосты держатся на балансе чайных ложечек. Лазурная Арка соединяла жилые кварталы с Источником Золотого Лака. Без него вся тамошняя посуда через три дня станет хрупкой, как яичная скорлупа, и осыплется пылью при первом же сквозняке!

– Но почему мост рухнул? – спросил мальчик, заглядывая в глубину темных полок. За старинными чашками и вправду мерцала темная полированная задняя стенка буфета, в которой туманно отражалась вся кухня.

– Что-то нарушило равновесие весов, – ответил бабушка Афанасий. Он подошел к ящику верстака, достал крошечный серебряный пинцет и коробочку с янтарным порошком. – Я слишком стар и груб для тонких фарфоровых мостовых. Мои шаги там все переломают. Пуф, придется вам с Фимкой спуститься по полкам.

– Нам? – Пуф нервно почесал круглое ухо. – Афанасий, ты же знаешь, я не балерина! У меня вес солидный, плотный! Я на их тонкие блюдца наступать боюсь – они же звенят от каждого чиха!

– Не прибедайся, Смотритель, лапы у тебя мягче лебяжьего пуха, – бабушка ласково потрепал пушистого ворчуна по макушке, а затем повернулся к внуку. – Фимка, ты парень аккуратный. Линейка и пинцет тебе пригодятся. Возьми еще бархатный мешочек с толченой слюдой. Если найдете причину трещины – слюда удержит разлом, пока мастера не сварят новый состав лака.

Фимка быстро подтянул ранец. Медная линейка, пинцет, мешочек со слюдой и верный складной ножик тут же отправились на дно холщовой сумки.

Пуф деловито подошел к нижней створке буфета, где пахло гвоздикой и сушеным лавровым листом.

– Ну что, мастер карманных сокровищ, готов уменьшиться до размера чайной ложки? – Пуф снял со своей шеи медный ключ Перекрестков. – И учти: в Городе Фарфора нельзя топтать пятками, громко сморкаться и размахивать локтями. Одно неловкое движение – и вместо памятника архитектуры останутся черепки для аквариума.

Пуф вставил ключ прямо в крошечную медную замочную скважину в петле буфетной дверцы.

Раздался мелодичный перезвон крошечных колокольчиков. Задняя зеркальная стенка шкафа вдруг пошла мелкой серебристой рябью, расступилась легким паром, и из темной глубины полок пахло прохладой, ароматом лимонной цедры и звонким эхом сотен крошечных фарфоровых молоточков.

– Вперед, – шепнул Пуф, протискиваясь между рядами чашек прямо в зеркальную гладь. – Держись за мой хвост и не дыши на сервиз!

Глава вторая: Шаг сквозь стеклянную витрину

Зеркальная гладь задней стенки буфета оказалась вовсе не стеклянной, а прохладной и упругой, как застывший яблочный кисель. Стоило Фимке шагнуть вслед за Пуфом, как мир вокруг с тихим звуком «вжих» растянулся во все стороны.

Кухня дедушки Афанасия мгновенно отдалилась: огромные золотые солнечные лучи превратились в исполинские колонны света, тяжелые дубовые полки над головой взмыли ввысь, став похожими на своды циклопического деревянного собора, а сам Фимка с изумлением заметил, что его верная медная линейка в кармане теперь весила не больше булавки, хотя сам он уменьшился ровно настолько, чтобы свободно пройти под ручкой чайной чашки.

Пуф, бежавший впереди, теперь казался мальчику не крошечным комком меха, а солидным мохнатым медведем размером с добротного сенбернара. Шерсть его на загривке блестела, а медный ключ на груди мягко покачивался в такт шагам.

– Ноги поднимай повыше! – шепотом предупредил Пуф, оглядываясь. – Мы входим в зону Мелового Пыльника. Если чихнешь в полную силу – поднимешь бурю, в которой фарфоровые фонари перебыются за полверсты!

Они вынырнули из мерцающего марева зеркала и остановились на краю широкой бело-снежной набережной.

У Фимки перехватило дыхание.

Перед ними раскинулся поразительный, сверкающий город, словно вырезанный из застывшего молока, бирюзы и чистого серебра. Улицы здесь были вымощены перламутровыми черепками, отшлифованными до идеальной гладкости. Вдоль мостовых высились изящные двухэтажные домики: крышами им служили перевернутые расписные пиалы с кобальтовыми узорами, круглые окна были застеклены тончайшим горным хрусталем, а водосточные трубы напоминали изогнутые носики миниатюрных молочников.

Вместо фонарных столбов вдоль тротуаров стояли серебряные кофейные ложечки с крошечными светящимися жемчужинами на изогнутых черенках.

Но в воздухе не было праздничного перезвона, о котором говорил дедушка.

Над белоснежными крышами висела тревожная, стеклянная тишина, нарушаемая лишь глухим гулом далекого обвала. Стены домов слабо подрагивали, издавая высокий дребезжащий стон, будто сотни хрустальных бокалов терлись краями на краю глубокой пропасти.

– Смотри туда, на центральную площадь, – Пуф ткнул пушистой лапой вперед.

Там, где широкая улица упиралась в глубокий каньон, разделявший две дубовые полки буфета, висели в воздухе обломки циклопического моста.

Это и была Лазурная Арка. Прежде она представляла собой великолепный ажурный виадук, сложенный из белого фарфора и покрытый витыми узорами из синих ласточек. Но прямо сейчас центральный пролет моста зиял страшной рваной брешью: половина конструкции рухнула вниз, в темную бездну межполочного пространства, а уцелевшие перила покрылись сетью черных, паутинных трещин.

На краю обрыва толпились жители города.

Это были фарфоровые человечки ростом в половину Фимкиной ладони. Одеты они были в расписные камзолы и кружевные платья с тончайшей золотой каймой. На головах многих красовались шапочки из наперстков, а в руках они сжимали крошечные кисточки из беличьего волоса и глиняные шпатели. Они взволнованно махали руками, и от их движений во все стороны разлетался тонкий, жалобный перезвон:

«Динь-динь-трень! Ай-ай-динь!»

– Хранитель прибыл! Сам господин Пуф! – раздался тоненький, звенящий голосок из толпы.

Навстречу путникам торопливо засеменил пожилой фарфоровый мастер с длинной бородой из тончайшей серебряной проволоки. На носу у него держались очки без дужек, а на фартуке темнели пятна живительной глазури.

– Беда, господин Смотритель! – мастер молитвенно сложил гладкие белые ручки перед грудью. – Арка треснула в самый полдень! Раствор в котлах стынет, лак твердеет без подогрева, а на той стороне остался Источник Золотой Глазури! Если мы не восстановим свод до полуночи, весь Нижний Сервиз рассыплется в белый порошок!

– Спокойствие, господин Чашечник, только спокойствие, – Пуф солидно опустил на четыре лапы и выпятил круглую мохнатую грудь. – Без паники. Афанасий прислал подмогу. Это Фимка, главный специалист по удержанию балок и карманным замкам. Рассказывай по порядку: что за вихрь вы тут устроили? Отчего пролет рухнул?

Мастер Чашечник нервно поправил свои проволочные очки и оглянулся на черную пасть обрыва:

– Мы сами не понимаем! Никаких толчков не было, буфет стоял ровно, дедушка Афанасий даже не хлопал дверцей. Но в полдень из вентиляционной щели за коробкой с корицей выскочил... он.

– Кто – он? – нахмурился Фимка, подходя ближе к краю треснувшего моста.

– Заводной Сверчок с Медной Пружиной, – мастер понизил голос до испуганного шепота. – Он несся как угорелый, словно спасался от стаи железных ос. В лапах у него билось что-то золотое и светящееся. Он прыгнул на главную замковую балку моста, споткнулся, застрял в механизме натяжения тросов... Раздался щелчок, противовес сорвался, и вся арка пошла трещинами! Сам сверчок полетел в ущелье, но зацепился усиком за карниз полки со специями. Он висит там прямо над пропастью, а его пружина вот-вот лопнет от перегрузки!

Фимка заглянул за обрыв.

Далеко внизу, в полумраке между двумя массивными дубовыми досками, виднелся узкий выступ, заставленный круглыми банками с сушеным имбирем и мускатным орехом. А на самой кромке выпирающей щепы судорожно дергалось блестящее латунное тельце с четырьмя тонкими суставчатыми ножками. Сверчок отчаянно цеплялся за край, а вокруг его заводного ключика бешено билась пойманная в паутину золотистая бабочка с прозрачными янтарными крыльями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.